Большой корабль

Сергей Адамович
Колбасьев

SHOUT
SHARE
IT

- Колбасьев Сергей Адамович

Колбасьев Сергей Адамович
Большой корабль

Колбасьев Сергей Адамович
Большой корабль
1

Любезная сестра, при сем препровождаю некоторое количество воблы, два фунта паюсной икры, полпуда ржаной муки и фунт настоящего калмыцкого чаю (верблюжья моча на кирпичах), общим счетом около 28,175 малых калорий. Питайся и толстей!

На прошлой неделе погиб длинный Белкин, с которым я познакомил тебя в Котке и которого звали Полковником или Коровой Бейлиса. Еще погибли Васька Головачев и пресловутый Туман. Прочие целы, живут здорово и чувствуют себя отлично. Я, например, на полный ход наслаждаюсь своим земным бытием, и для совершенного счастья мне не хватает только кальсон. С первой оказией вышли три пары; оставшиеся в верхнем ящике комода.

Обращаю твое особое внимание на подателя сего, Леонтия Демина двадцати трех лет. Это не военмор, а подлинный джокер, способный заменить любую карту в колоде, но судьба его тем не менее печальна.

Знаешь ли ты, что такое джокерное мучение? Помнишь ли, какие чувства бушуют в груди, когда обязательную игру нужно разрешить тройкой, а у тебя на ру-как бестолочь с джокером, из которого ничего не получается?

Демин - гальванер и дальномерщик, но приборов управления огнем на наших посудинах не водится, а дистанцию при стрельбе мы меряем большим пальцем. Не найдя применения по специальности, он попросился мотористом на мой парадный командирский катер полированного гнилого дерева и великолепно справлялся, пока чертова посудина не затонула без всякого предупреждения на самой середине Волги. (Рулевой погиб, а мы с Деминым выплыли, потеряв ботинки.)

Тогда я назначил его коком. Он сразу проявил врожденные кулинарные способности, но на следующий день выяснилось, что ему не из чего готовить.

Он пришел ко мне совершенно расстроенный. Он хотел воспользоваться свободным временем, чтобы пополнить свое образование, но вся присланная нам политическая литература почему-то состояла из ста экземпляров стишков Василия Князева.

При джокерном мучении выход только один: издать горестный вздох и бросить карты. Поэтому, а также по его личной просьбе я с горестным вздохом откомандировал Демина в Балтику, где под твоим руководством..."

Чтение внезапно было прервано глухим ударом и звоном стекол. Опустив письмо, Ирина Сейберт взглянула в окно.

- Как вы думаете, он скоро кончит рваться?

Но Демин думал о другом. От неожиданности он вздрогнул и выронил фуражку. Наклонился, чтобы ее поднять, чуть не опрокинул стул и выпрямился настолько смущенным, что отвечать не мог.

Ирина улыбнулась. Улыбаясь, она совсем так же морщила нос, как ее брат, командир "Розы Люксембург". Это сразу успокоило Демина.

- Форт Петр, - сказал он. - У них рвутся мины.

- Знаю, - кивнула головой Ирина и задумалась. Перед ней с фуражкой в руках стоял исключительно хороший парень. Светлоглазый, светловолосый и без всякого клешного шика. Кем он мог быть до службы?

- Вызнаете, что такое джокерное мучение? - вдруг спросила она.

- Никак нет, - ответил он, густо краснея.

2

Верблюд взял свои карты и, медленно выжимая одну за другой, стал их просматривать. Кривцов свои развернул сразу, развернув, пересортировал, а потом, точно примериваясь, два раза осмотрел ставки на столе. Он был плохим игроком.

- Джокерное мучение? - спросил старший артиллерист Поздеев, человек с темным, покерным лицом.

- Не разрешаю, - ответил Кривцов.

- Пять, - заявил Верблюд, и стол вздрогнул от гулкого удара снизу.

- Здорово, - сказал механик Лебри. - А что будет, когда рванет тротил?

- Будет много здоровее, - ответил минер Растопчин.

- И еще пять, - подтвердил Поздеев.

Этот разговор происходил на Горячем Поле, в номере седьмом. Не на известной неспокойным населением площади островного города, а на другом Горячем Поле, на поперечном коридоре над турбинами последнего линейного корабля, действительно горячем от этих турбин.

Седьмой номер, следовательно, был не домом, а каютой, и в нем собрались последние покеристы. Хозяин его, прозванный Верблюдом, вахтенный начальник Алексеев, всегда держал

открытой свою гостеприимную дверь гофрированной стали, тем самым преследуя не только вентиляционные, но и политические цели.

Разве можно было заподозрить в азарте сидящих в открытой каюте, играющих в игру, явно непохожую на железку, называемую "викжель", или на двадцать одно, и расплачивающихся круглыми медными номерками четвертой роты? Разве можно было угадать, что каждый такой номерок стоил пять рублей - ровно столько же, сколько два десятка "Гражданских" папирос?

И покер шел по кругу упорной борьбой тяжелых комбинаций, длительным разрешением обязательных игр, блефами, полным напряжением и суррогатом подлинной жизни.

3

Мешок, который Демин, выходя из подъезда, вскинул на плечи, был очень легок. Мне нравится в Демине, что он жил и мыслил не желудком и жизнь его отнюдь не нуждалась в подмене суррогатами. Мне приятно, что ему был неизвестен термин "джокерное мучение".

Мешок был легок, и, взвалив его на плечи, Демин улыбнулся. Дурак, как есть дурак, ч что только командирская сестра о нем подумала!

Он недоуменно покачал головой и вдруг ощутил необходимость еще хоть раз ее повидать. Только бы придумать, по какому делу к ней зайти.

Он взглянул на ее окно, но в нем неожиданно увидел сорокалетнюю женщину с лошадиной челюстью.

- Я тетка вашего командира, - представилась она.

- Есть, тетка! - обрадовался Демин. Совсем как Сейберт скосив голову, она неодобрительно его осмотрела.

- Это вы привезли посылку?

- Так точно, я.

Она пожевала губами и, вдруг перегнувшись вперед, быстро заговорила:

- Порядочные люди так не поступают. Шура писал, что высылает двадцать фунтов ржаной муки, а в мешке ее оказалось девятнадцать с половиной.

Кровь ударила Демину в голову, но, стиснув зубы, он сдержался. Воздух рвануло оглушительным громом, и под ногами закачалась земля, но он не сдвинулся с места. Звеня, посыпались сверху осколки стекла, и женщина в окне скрылась, всплеснув руками.

Его назвали вором - значит, в ее дом ему пути не было. И почему-то от этой мысли потемнело небо. Он повернулся и пошел и тогда увидел вторую причину темноты: огромными бурыми

клубами над городом катилась туча.

Вставая, она застилала небо и, расширяясь, давила землю, и перед ее тенью, крича, бежали люди. Все силы приходилось напрягать, чтобы не побежать перед ней самому.

Эту самую тучу впоследствии видели над Питером. Ее гнал сильный западный ветер. Говорят, она прошла по самой вышке Исаакия.

4

От сильного толчка рассыпалась стопка медных но-мерков. Минер Растопчин аккуратно собрал ее, отсчитал пять штук и бросил их к ставкам.

- Ножки на стол, Верблюд. Тебя докрыли.

- Это тротил или все еще мины? - спросил Лебри. Верблюд открыл трех королей. Растопчин, показав ряд, не спеша сгреб фишки и стал их считать.

- Насчет тротила не беспокойся. Когда рванет, у нас посыплются стеньги, шлюпки и прочее... А может, еще что-нибудь выйдет... Отец пушкарь, сдавай!

- А рванет он или нет, как по-вашему? - не успокаивался Лебри.

- Рванет... не рванет... - бормотал, сдавая карты, Поздеев. На последнюю карту легло: рванет.

- Увидим, - пожал плечами Растопчин. - Два на пять.

Лебри хотел еще что-то спросить, но, подняв глаза, в дверях увидел свое непосредственное начальство - трюмного механика Григория Болотова.

- Вы здесь, Лебри?

- Взгляните простым глазом, - посоветовал Кривцов, но Болотов не ответил. Стол, золотые горки фишек и люди в дыму - на это ему смотреть не хотелось.

- Не одобряете игрушки? - спросил Кривцов.

- Не одобряю.

- Что же вы собираетесь по этому поводу предпринять?

Болотов взглянул Кривцову прямо в глаза:

- Пока ничего. Мне некогда... Лебри, приказано проверить водоотливные средства. Идем вниз.

Лебри встал.

От взгляда Болотова у Кривцова осталось ощущение, как от пощечины. Это было поганое ощущение, он не выдержал и крикнул вдогонку уходившим:

- Две одинаковых к трем комиссарам! Поздеев выдал ему две карты и тихо сказал:

- Допрыгаешься, дурак.

Кривцов потемнел. От этого Поздеева тоже терпеть? Тоже

умный? Начальство? С какой стати? Левой рукой вцепившись в край стола, он, казалось, приготовился броситься вперед, но правая его рука, действуя сама по себе, открыла прикуп, оказавшийся никуда не годным. От этого он сразу остыл. Он был плохим игроком.

- Почему ругаешься? - забормотал он. - Просто не люблю таких человечков... Зачем Болотов подлаживается? Зачем заделался кандидатом Рыкапы?

- Пять сверху! - голосом первосвященника возгласил Верблюд.

- Просто не люблю таких, - вслух рассуждал Кривцов, про себя рассуждая о том, хорошая карта у Верблюда или блеф. Решил, что хорошая, и спасовал.

- Может, я тоже таких не люблю, - неожиданно отозвался Поздеев. - Однако игру надо играть по правилам. Пять и еще пять.

5

Где-то на складах форта тысячами глыб кристаллизованного желто-розового сала лежит тротил. Когда к нему подойдет огонь, от жара он начнет оплывать, как свеча, и вязкими тяжелыми каплями потечет на каменный пол. Расползется лужами и речками, а потом медленно и неохотно загорится, пузырясь и дымя, точно сургуч. Наконец в каком-то месте развитая горением температура перейдет критическую точку, и тогда каменные своды разлетятся щебнем и пылью, в городе, на острове от страшного удара обрушатся ближайшие дома, а на корабле.., но о том, что может произойти на корабле, лучше не думать. Командир закусил потухшую папиросу и подошел к борту. Он очень сильно ощущал свой корабль, даже поломка поручней при швартовке причиняла ему физическую боль.

Рванет или не рванет? На восток уходила чудовищная бурая туча, а с запада в море лежало прораставшее черным дымом пятно.

Рванет или не рванет? Командир закрыл глаза.

Внизу на срезе стадвадцатимиллиметрового орудия сушилась подмоченная картошка. От нее шел успокаивающий кислый запах быта.

"Ничего не будет", - решил командир, но, снова открыв глаза, увидел встающий угрожающим деревом дым и снова почувствовал медленное приближение взрыва. От сухости во рту он выплюнул за борт свою папиросу. Облизал мясистые губы, отер свисавшие усы и коротко вздохнул.

Тяжело командовать большим кораблем! Но разве легче комиссарить в такие дни? Комиссар крупными шагами ходил взад и вперед по шканцам. Ходил, наклонив вперед тяжелую черную

голову и крепко заправив руки в карманы. Ходил и не мог остановиться.

Красный город - сердце революции - был на краю гибели. Враг стоял у ворот, и враг был внутри. "Неужели форт подожгли?" Комиссар отмахнулся головой: "Теперь все равно, теперь только ждать: рванет или не рванет". И от этого сознания, от мысли, что сделать все равно ничего нельзя, хотелось все на свете крыть бешеными словами.

Но комиссару из себя выходить нельзя. Комиссару нужно сохранять спокойствие.

Демин по трапу поднялся на корабль, поставил мешок и стал осматриваться. Над его головой страшной тяжестью висели три двенадцатидюймовых орудия, и люди на палубе так же неподвижно и молча смотрели на корму.

Что-то должно было случиться, но его это не касалось, Служба при всех обстоятельствах остается службой, - назначенному на корабль надлежит явиться к вахтенному начальнику,

Однако, прежде чем являться, нужно было его найти, а сделать это было не просто. На палубе собралось слишком много комсостава, - который из них на вахте? Демин приготовился почесать затылок, но вовремя остановил руку, придумав выход.

- Товарищ вахтенный начальник! - позвал он не-громко.

- В чем дело? - спросил сзади неожиданный голос, а обернувшись, прямо над собой Демин увидел сухое горбоносое лицо с выпуклыми глазами,

- Являюсь на корабль.

Вахтенный начальник взял его документы и, медленно выжимая один из-под другого, точно карты, стал их читать про себя. При этом он двигал высоким кадыком,, совсем как пьющий воду верблюд.

- Верблюд! - позвал подошедший Поздеев, и Демин, не удержавшись, фыркнул.

Поздеев оглядел его с ног до головы, а потом не спеша обернулся к вахтенному начальнику:

- Что нового?

- Вновь прибывший, - ответил тот, кивая в сторону Демина.

- Какая специальность?

- Гальванер, - доложил Демин, но Поздеев его не заметил.

- Гальванер, - со вздохом подтвердил Верблюд.

- И ты не знаешь, куда его приладить?.. Джокерное мучение?

Демин вдруг покраснел, - вспоминать о сестре командира было неприятно, Чего этот паразит суется? Что он за птица такая?

- Я старший артиллерист, - точно ответил ему Поздеев. -

Явитесь к командиру третьей роты, каюта номер двадцать три по левому борту.

Сквозь тучу черного дыма снова выбросился бурый столб, и люди на палубе насторожились.

Но ударило не сильнее, чем раньше, - это все еще не был тротил. Поэтому командир достал новую папиросу, а комиссар зашагал дальше.

- Есть! - сказал Демин, нечаянно приложив руку к фуражке. Уже спускаясь по трапу, вспомнил об этом и усмехнулся.

Гальванеру старший артиллерист - прямое и наивысшее начальство. Может, неприятное начальство, но неизбежное.

6

Взрыва ждали весь день и всю ночь. Ночью было светло, но над фортом стояло темно-красное зарево, и на палубе было еще страшнее, чем днем.

Потом ждали весь следующий день. Дым становился все тоньше и наконец исчез, но всю вторую ночь командир и комиссар не спали.

Утром третьего дня пришло известие от группы охотников, пробравшихся на форт. Пожар закончился. Тротил, частью уже расплавившийся, был безопасен.

Тогда о нем забыли и снова зажили той удивительно мирной жизнью, которая бывает только на фронте в перерыве между двумя боевыми происшествиями.

Жизнь эта - неплохая, но, к сожалению, такие перерывы редко бывают продолжительными.

Ночью дозорный крейсер с моря увидел непонятное судно. Огонь был открыт с опозданием, и противнику удалось выпустить торпеду.

Стоявший, поблизости сторожевик принял нападавшего за подводную лодку и стал сниматься с якоря, чтобы ее таранить. Внезапно предполагаемая подлодка развила около сорока узлов и скрылась в облаке пены.

Только тогда на сторожевике поняли, что это торпедный катер, которого десятиузловым ходом не нажмешь, и что даже стрелять уже поздно. Только тогда заметили, что крейсер тонет.

Жизнь становилась непонятной и неудобной. Какой-то катер пустил ко дну большой крейсер. Крейсер необъяснимым образом затонул от одного торпедного попадания. Все это было совершенно неправдоподобно.

В кают-компании ели суп из двуглавой воблы (названной так по изобилию голов в котле) и недоумевали:

- Что же случилось с их переборками?

- Были открыты двери, - ответил Болотов. - Мне Соболевский

говорил. Они на эсминцах спасали команду.

- Открыты? - удивился Поздеев. - На боевом положении?

- Ночью было жарко. Команда пооткрывала их самовольно.

Наступило молчание.

- Вместо него могли стоять мы, - сказал наконец Лебри.

- Могли.

Старший помощник пожал плечами:

- Нас так просто не потопишь.

- Все равно погано.

- Много погибших?

- Не знаю, - ответил Болотов.

- А спасенные рвут на себе волосики, - усмехнулся Кривцов. - Они только позавчера получили продотряд и даже не успели его поделить. Я сам видел у них на юте черт знает сколько мешков муки.

- Мука, сало и яйца.

- И монпансье.

- Обидно.

Человеческие жизни стоили, конечно, дешевле монпансье. Крейсер расценивался дешевле яиц. Болотов не выдержал - встал и вышел.

- Люблю, когда людишки теряют аппетит, - тихо сказал Кривцов.- Слейте мне его гущу, я не брезглив.

- С чем тебя и поздравляю, - ответил Поздеев и передал ему тарелку.

На этом разговор в кают-компании прекратился. Глухо гудела вентиляция, и тупо звякали ложки. Командный состав корабля старательно насыщался.

По собственному опыту я знаю, что недостаточное питание сильно влияет на человеческую психологию, а потому к данному случаю отношусь снисходительнее Болотова. Но все же я никогда не стал бы доедать суп моего принципиального противника.

7

- Кривцова знаешь? - спросил рулевой старшина Богун.

- Тот, что за третьего артиллериста, что ли? Тихий такой? - отозвался Демин.

- Очень даже тихий, ничего не скажешь, - усмехнулся Богун. - Ласковый и любезный. Все говорит: немножечко, по-хорошенькому, замочки, дальномерчик, прямо слушать приятно. А раньше иначе разговаривал. Я его на "Макарове" знал. Скомандует - так побежишь, а не побежишь - нахлынет на тебя, что тьма, - страх вспомнить.

- Мордобой? - не отрываясь от книги, спросил Демин.

- Про это не скажу. Со мной не случалось. Другие говорят -

бил, только незаметно. Зато службу знает и дальномерчики свои видит насквозь. Его, между прочим, осколками раз обсыпало, когда на дальномере стоял. Семь дырок в нем наделало, а он не ушел. Учись, сынок!

Демин не ответил. Если такой человек ходит тихим - значит, он враг. А за врагом надо смотреть и, если что...

- По плешке! - донеслось из группы игравших в кость. Медная костяшка звонко шлепнулась на палубе, и Демии улыбнулся.

- Хорошая была игра, кость эта самая, - вздохнул Богун. - Очень хорошая дозволенная и интересная. Мало теперь в нее играют, вот что.

- Теперь, старик, в другие игры играют.

- То-то и есть, что в другие. Ты посмотри на бак. Много ли у фитиля народу? А ведь команды-то далеко за тысячу... Знаю я, какие у них игры - с девчонками в саду под духовую музыку. Слишком вольно стало на берег ходить, я тебе скажу.

Демин кивнул головой. Насчет сада Богун был прав.

- А раньше ходили на бак разговаривать, и зато лучше друг друга знали. Вот пойдем мы в бой - что ты про меня знаешь? А должен все знать, потому буду я стоять на штурвале, и на меня всей команде надо надеяться.

- Ничего. Не подгадишь.

- И без тебя знаю, - рассердился Богун. - Ты, щенок, пойми, что теперь братва не знакомится, а раньше знакомилась на этом самом баке. Знакомилась, про все новости говорила.

- Баковая газета? Та самая, которую шпилем печатали?

- А ты не смейся. Молод еще смеяться. Если даже шпилем печатали, так все равно всякие новости узнавали. А теперь настоящие газеты есть, и ничего не знают ребята, потому не интересуются читать. Только глупостями интересуются вот что!

- Это тоже глупости? - И Демин протянул свою книжку.

Богун по складам прочел заглавие:

- Политграмота. - Подумав, еще раз произнес: - Политграмота, - и отдал книжку Демину. - Читай. Это можно... Ну вот ты, скажем, читаешь, из книжки узнаешь что нужно, - это хорошо. А посмотри на остальных. Какого ляда они тут делают? В трусах жарятся на палубе - вид боевого корабля поганят! В кость дуются - в дурацкую игру!

- Какая же она дурацкая, если ты ее сам хвалил? Богун побагровел и встал:

- Чего суешься, спорщик? Видал, чтоб я в нее играл? Не видал? Ты пойми: раньше она хорошая была, а теперь дурацкой стала. Ведь время-то теперь какое!

- Понимаю, Богунок, - тоже вставая, успокоил его Демин. -

Отлично понимаю. Брось в бутылку лезть. Идем лучше на берег.

Богун фыркнул. Он слишком привык к кораблю, чтобы зря ходить на берег.

- Пойдем в библиотеку. Запишемся книжки брать.

- Все равно не пойду, - отрезал Богун. - Читай сам, я без твоих книжек, что надо, знаю.

8

Теперь корабль стоял у стенки, и Поздеев почти каждый вечер ходил к Ирине Сейберт. Иногда они вместе гуляли, но чаще сидели у окна в ее комнате.

Поздеев говорил о французской революции, межпланетных путешествиях, авантюрной литературе и прочих нейтральных, но интересных вещах. Он был начитан, говорил немногословно и своих суждений не навязывал. Это радовало Ирину, но постепенно она стала замечать, что при переходе через совершенно пустую улицу он каждый раз уверенно брал ее под руку, а садясь в кресло у окна, имел такой вид, будто это кресло всегда ему принадлежало и всегда будет принадлежать.

Ирина Сейберт отнюдь не одобряла традиционной девичьей пассивности, в чем Поздееву пришлось убедиться. Совершенно потрясенный ее прямым вопросом, он все же сумел ответить спокойно и просто:

- Вы не ошиблись, Ирина Андреевна.

- Жаль, - сказала она.

Поздеев не шелохнулся. Девушка, которую он любил по-настоящему, его оттолкнула. Она даже не нашла нужным сказать, почему она это сделала, но спрашивать об этом не приходилось, - таковы правила игры.

- Очень жаль, - продолжала она. - Мы так хорошо встречались, а теперь больше не будем.

Ее вдруг охватила жалость к этому молчаливому, сухому человеку. Ей захотелось его утешить, но как это сделать, она не знала.

- Так хорошо было с вами встречаться и говорить, но вы понимаете... понимаете... Я не могу вам отвечать тем же, а вам от этого будет неприятно... вам... - дальше говорить она не смогла. У нее сорвался голос.

Поздеев выпрямился, внимательно на нее взглянул, вынул из портсигара папиросу и, впервые за все время не попросив разрешения, закурил.

- Понимаю, - сказал он наконец. - Но все-таки я хотел бы с вами видеться.

- Даже если это бесповоротно?

- Да, - ответил он, введенный в заблуждение ее

взволнованным, внезапно ставшим детским голосом.

- Я буду очень рада, - улыбнулась она, протягивая руку. Ей было всего девятнадцать лет, и она ошибочно полагала, что после подобного объяснения их прежняя дружба может продолжаться.

Будь ей, как мне, за тридцать, она совершенно иначе видела бы вещи.

9

Скользит в круглом поле светло-серая вода, и с ней скользит голубой отдаленный корабль, а мачты его отстают чуть не на полкорпуса.

Надо вращать установленный на верху дальномера валик, пока эта раздвоенность зрения не исчезнет. В тот момент, когда мачты придут на место, когда надвое разрезанное изображение будет совмещено, видимая левым глазом шкала покажет расстояние до предмета.

Было не похоже, чтобы уходивший за горизонт эсминец находился всего в шестидесяти пяти кабельтовых, и быстрым движением Демин повернул дальномер на южный берег. Узкий шпиль собора совместился, когда шкала стала на сорок три. Это тоже было маловато.

Демин, бормоча, оторвался от дальномера и рядом с собой увидал Кривцова.

- Кто вам разрешил играть с игрушечкой?

- Он, кажется, рассогласован, товарищ артиллерист.

- Спасибо за указание, уважаемый товарищ,- с серьезной любезностью ответил Кривцов. - Но не кажется ли вам, что, если все желающие займутся этой штучкой, она едва ли станет лучше?

- Я дальномерщик...

- Значит, должны понимать, что дальномер, без особого на то приказания, пальчиками трогать не следует. Демин молчал. Он действительно был не прав.

- Разрешите, товарищ артиллерист.

- Никак не разрешу, дорогой товарищ. Как ваша фамилия?

- Демин.

- Дорогой товарищ Демин. А теперь наденьте, пожалуйста, чехольчик и ступайте с мостика, а если это вам не нравится - жалуйтесь комиссару.

Демин молча надел чехол и спустился с мостика. Жаловаться? На что именно? Кривцов ругался правильно, а насчет дальномера... черт его знает, этот дальномер, - он мог быть в полной исправности... Но, с другой стороны, Кривцов - враг. Можно ли доверять врагу? Значит, нужно рискнуть и доложить комиссару, что сам поступил против правил.

Серьезное отношение Демина к своему пустячному

проступку, по-моему, великолепно. Такой человек, конечно, должен был перебороть себя и пойти к комиссару.

В комиссарской каюте воздух был дымным от не успевшего выветриться заседания, а у самого комиссара болела голова. Сидя за столом, он подписывал стопку увольнительных билетов. Пальцы его плохо гнулись, перо рвало ворсистую бумагу, и жидкие чернила расплывались. Такое дело любого человека может привести в бешенство, но комиссару даже наедине с собой следует сохранять спокойствие. При входе Демина он положил ручку.

- Как зовут?

- Демин.

- Это тебя провели кандидатом на прошлом собрании?

- Меня.

- Выкладывай свое дело.

И Демин рассказал о странностях дальномера и ненадежности Кривцова.

- Все они ненадежны! - вдруг закричал комиссар. - Ступай в болото с твоими рассуждениями! Ты что думаешь, он дурак? Не знает, что за баловство с дальномером можно в расход выйти? - И, неожиданно успокоившись, продолжал: Это хорошо, что ты ко мне пришел, только еще лучше будет, если перестанешь чужой частью заниматься. Ты смотри на свое дело, а на это другие найдутся. Если всякий желающий будет вертеть дальномеры, так твоего Кривцова к ответу не притянешь. Понятно?

- Есть! - ответил Демин.

- Ну вот и веди себя в порядке. Как следует кандидату партии...

- Есть! - И Демин вышел в коридор.

Теперь враг казался еще опаснее, - должно быть, оттого, что комиссар не поддержал. Но все равно отступать не полагалось. Демин шел спокойный и сосредоточенный, исполненный решимости и разочарованный в политсоставе. Ему было бы легче, знай он, что Кривцов его опередил и первым доложил комиссару о встрече у дальномера.

10

Телефоны боевой, запасный артиллерийский и общесудовой цепи, прожекторные цепи по плутонгам, голосовая передача, и над всем этим - цепи приборов управления огнем. Крашенные белилами провода, сплетения проводов и трубы, змеями идущие по переборкам и подволокам, - это нервная система корабля, и ее головной мозг здесь, в тяжелой, тесной боевой рубке.

Блестящие указатели на пестрых циферблатах приборов управления, раздельно тикающий автомат, тревожные голоса

ревунов - все проверено, все приготовлено к бою.

- Отлично, - сказал старший артиллерист. - Продолжайте в том же духе.

Демин улыбнулся. Неприятное начальство его похвалило.

- Отбой!

- Есть отбой!

Учение боевой тревоги было закончено. Уходя из рубки, Поздеев взглянул на Демина, чистившего медь своих приборов, и кивнул: из парня выйдет толк.

Вечером того же дня они снова встретились, но с совершенно иными чувствами.

11

Демин, начистив приборы до полного блеска, спустился в палубу, где как раз поспел к дымящемуся бачку черного чечевичного супа. В отличие от белого, этот черный суп варился из грязной чечевицы, но Демину тем не менее нравился.

Поздеев ел тот же суп в более уютной кают-компанейской обстановке, но с меньшим аппетитом, потому что медяшек не чистил. Поужинав, пошел отдохнуть, как этого требовало его несколько вялое пищеварение.

Демин в подобном отдыхе не нуждался, а потому сразу приступил к делу:

- Дай гуталину, Богунок.

Порывшись в рундуке, Богун протянул ему банку, две щетки и суконку.

- Куда собрался?

- Книги брать.

- Какие такие книги?

- Возьму политэкономию, - работая щеткой, ответил Демин.

- Политэкономия, - повторил Богун, любивший новые и странные слова, и вдруг заявил: -За девочкой ты идешь, а не за политэкономией. Больно здорово сапоги драишь, ни для какой экономии не стал бы так стараться.

К своему удивлению, Богун увидел, что Демин краснеет. Он никак не ожидал, что его намек попадет в цель, и, увидев смущение Демина, из деликатности отвернулся.

Проспав около двух часов, Поздеев пошел за Ириной в клуб моряков, где она работала библиотекаршей. Он очень не одобрял ее работы, однако говорить с ней об этом не осмеливался.

Шел он быстро, чтобы не опоздать, и все-таки опоздал: библиотека уже была закрыта. Как много вреда приносит вялое пищеварение людям, перешагнувшим за тридцать лет!

Разочарованный, он вышел из клуба и на улице совершенно неожиданно натолкнулся на Ирину и Демина. Они смеялись, но,

увидев его, присмирели.

Ирина оправилась первой:

- Здравствуйте, дорогой профессор.

- Здравия желаю, Ирина Андреевна.

- Вы появились как раз вовремя. Докажите, пожалуйста, этому юноше, что прострация не происходит от слова пространный.

- Боюсь, что не сумею, - сухо ответил Поздеев.

- В таком случае идем все вместе к нам пить чай,

- К сожалению, не успею. Дела на заводе.

- Значит, нам по дороге, Вы нас проводите?

- Охотно.

И они пошли.

Ирина искоса взглянула на темное лицо Поздеева. Никаких дел на заводе у него, очевидно, не было. Что его разозлило? И вдруг поняла и, поняв, не могла удержаться от улыбки.

Короткая прогулка прошла в полном молчании. Демин молчал, чтобы не вышло неприятного разговора с неприятным начальством. Поздеев - потому, что ему нечего было говорить.

Так дошли до ее дома. Остановившись перед подъездом, Поздеев спросил:

- Вы давно знакомы с нашим Деминым?

- Он служил у Шурки и привез от него письмо. Шурка пишет, что он всяческий специалист, орел и джокер. Во всяком случае, он кандидат партии и чудесный юноша, не при нем будь сказано.

- Он хороший гальванер, - ответил Поздеев. Прощаясь, он поцеловал Ирине руку, а с Деминым обменялся коротким рукопожатием. Затем, ни на кого не смотря, учтиво отдал честь и ушел.

На пыльную улицу упали первые капли крупного дождя. Входя в подъезд, Демин нечаянно взял Ирину под руку. От этого ее сердце пропустило удар, а потом забилось с удвоенной скоростью. Ничего не было сказано, но все обстояло великолепно.

12

С неба на город свалился четырнадцатидюймовый снаряд. Разорвавшись, он, к счастью, никому не причинил вреда. Второго снаряда не последовало. Говорили, что это была проба орудий в соседней нейтральной державе. Говорили, что кольцо сужается, что хлебу пришел конец и что у дочери священника, вышедшей за коммуниста, родился черт. Все это было известно и раньше, но теперь приобрело новое, тревожное значение, - нет ничего опаснее полосы бездействия на фронте.

Слухи шли по городу и по кораблям, повторялись, преломлялись и множились. От этих слухов Кривцов помолодел, начал бриться, командир заперся в своей каюте и складывал

разрезные картинки, а команда увеличила посещаемость общих собраний.

Кают-компания к слухам, как ко всему на свете, относилась безразлично. За стаканом чая с яблочным вареньем на компрессорном глицерине или за партией в триктрак, конечно, рассуждали и о черте, и о наступлении противника, но только в порядке развлекательного разговора. Серьезнее говорили о том, что хлеб надо подвешивать, чтобы его не съели дочиста тоже недоедавшие тараканы.

Кривцов, подойдя к столу, весело приветствовал Болотова:

- Здравствуйте, кандидат. Как делишки? За Болотова неожиданно ответил Поздеев. Отвечая, он даже не улыбнулся:

- Не обращайте внимания на кривцовское острословие. Его собственные делишки не в порядке. Идет спринцеваться и побрился. Не дурак?

Почему он почувствовал необходимость защищать Кривцова? Зачем он ему нужен? Вероятно, для того, чтобы его третировать. Поздеев вдруг вспомнил, что они одного выпуска из корпуса, и понял, что, кроме Кривцова, у него в жизни ничего не осталось. Как это вышло?

- Не знаю, - ответил Болотов.

13

Лампочка, светившая над самой койкой Демина, чертова лампочка, от которой не было спасенья, вдруг замигала и погасла.

Демин, заснувший при свете, сразу проснулся. Была полная темнота, и в темноте возбужденные голоса. Прыгать вниз с подвесной койки было очень страшно, но Демин все-таки прыгнул.

В каюту коллектива! Но, ударившись головой о что-то тяжелое, Демин остановился. Впереди была переборка и под рукой открытая дверь, но он не мог понять, куда она ведет: в нос или в корму?

В темноте загремел человек, скатившийся по трапу.

- Берегись люков! - посоветовал сверху голос Бо-гуна.

- Держись переборки! - крикнул Демин. - Где у нас корма?

- Здесь! - ответили со всех сторон.

Между тем в каюте коллектива было не лучше. Помощник комиссара ощупью искал в шкафу свой наган, находил только хлеб и сапоги и страшно ругался. Болотов не дождался его и выскочил, но у поперечного коридора с размаху влетел в открытую дверь какой-то каюты, с кем-то столкнулся и всей грудью рухнул на стол, зазвеневший рассыпанной медью.

- Фишки! - павлиньим голосом прокричал Верблюд.

- Кто это такой? - ужаснулся придавленный к умывальнику Лебри.

Болотов выпрямился, но ответить не успел.

- Трюмного механика!-кричал в темноте далекий голос. - Трюмного механика!

Болотов выскочил и побежал в нос. В темноте коридор был наполнен людьми, острыми углами и предметами. Бежать было совершенно невозможно, но он бежал, спотыкаясь и падая. Когда он падал в последний раз, перед его глазами сверкнул аккумуляторный фонарь, и кто-то поймал его на лету.

- Трюмного механика! - во весь голос прокричал державший его человек.

- Я здесь. Что случилось?

- Это вы, Болотов?

- Я спрашиваю, что случилось?

- В помещении носовых динамо вода. Их пришлось остановить. Сейчас запустят кормовые, но нужно...

И внезапно вспыхнул свет.

Ослепленный светом, Демин не сразу открыл глаза.

Мимо него бежал старший помощник в одном нижнем белье. В руке он держал фонарь, который забыл потушить. За ним бежали Болотов с разбитым в кровь лицом и трюмный старшина Нечаев. Демин ринулся за ними.

- Что это такое?

- Все в порядке, - на бегу отмахнулся Болотов. Больше Демин спросить не успел, потому что с размаху ударился головой и плечом в переборку.

- Так тебе и полагается, - сверху заметил Богун.- Сказало тебе начальство, что все в порядке, значит, ползи на койку и помалкивай, потому дело дрянь.

- Отцепись! - закричал Демин, обеими руками хватаясь за голову. - Свой он, а не начальство... Он из коллектива.

- Коллектив, - повторил Богун. - Коллектив, - откинулся навзничь и сразу уснул.

Демин медленно пошел в нос. Полуодетые люди разбирали опрокинутые в сумятице вещи. Навстречу попался лекарский помощник, куда-то бежавший с перевязочным материалом. За ним, прихрамывая, шел хмурый комиссар. Поравнявшись с Деминым, он неожиданно взял его под руку:

- Видал?

- А что это было?

- Вода в носовых динамах. Не пойму, откуда она взялась, эта вода. Как бы наш Болотов не того... Это по его трюмной части.

- Болотов свой. Комиссар вздохнул.

- Я тоже так думаю. Однако он про господ офицеров рассказывать не захотел... Ты говоришь - Кривцов. Все они Кривцовы - вот что!

Следует отметить, что комиссар был потрясен десятью минутами полной темноты, а потому более пессимистично смотрел на вещи, чем обычно.,

14

- Никогда! - возмущалась тетка Маргарита Карловна, запахивая клетчатый капот и яростно потрясая бумажным лесом на голове. - Он матрос, простой матрос, а ты внучка генерал-губернатора! Никогда!

- Через две недели, - ответила Ирина. - Все уже сговорено, и у нас к этому времени будет отличная комната.

- Глупая девчонка! Сумасшествие! Ты должна пойти за Поздеева - он нашего круга. Такой молодой и уже старший артиллерист корабля. Такой интересный и тебя безумно любит!

- У него слишком длинный нос. С ним, наверное, нельзя целоваться.

Тетка Маргарита захлебнулась. Чтобы не рассмеяться, Ирина закрылась с головой одеялом.

- Ты... ты... я думала, что ты приличная девушка! Ответа из-под одеяла не последовало.

- Ты слышишь, что я говорю? Я думала, что ты приличная девушка!

- Спасибо, милая тетя.

Под одеялом было тепло и весело. Слышно было, как громко, точно огромный самовар, клокотала тетя Маргарита, и можно было улыбаться.

- Ух! - сказал наконец самовар и ушел, хлопнув дверью.

Теперь следовало высунуть наружу нос и свернуться калачиком.

Правильно ли она поступает? Конечно, правильно. Разве есть второй Леня Демин, и разве она его не любит? .. Шурка поймет. Что же касается тетки, то тетка - явление случайное и необязательное.

На этом Ирина уснула. Она с детства привыкла спать закрывшись с головой.

15

- Твой Демин за мной шпионит, - тихо сказал Кривцов, но Поздеев не ответил.

- Теперь... теперь... - забормотал Кривцов и осекся: рядом с ним сел неожиданно появившийся Болотов.

"Неужели тоже следит?" - ужаснулся Кривцов и подавился чаем.

Смакуя каждое слово, ревизор продолжал рассказ о происшествии в гостинице, куда его привела встреченная у Казанского собора девушка. Больше всего в этой гостинице ему понравилась налаженность: по рублю за штуку можно было получить сколько угодно чистых полотенец.

Второй артиллерист подробно разъяснял старшему помощнику и доктору способ изготовления блюда, называемого "чужие слюни":

- Заваренную крутым кипятком муку следует подсластить: пакетик сахарина и, чтобы отбить металлический вкус, чайная ложка сахарного песку. Когда остынет, взбивают и, когда взбито, добавляют запах: лимонную эссенцию или еще что-нибудь. Миндальную не рекомендую - она отдает мылом. А потом едят и наедаются здорово, потому что в этой штуке много воздуху. С одного стакана ржаной муки распирает четырех человек.

- Ненадолго такая сытость, - ответил скептически настроенный врач. Воздух будет стремиться выйти обратно.

- И пусть выходит, - решил старший помощник. - Лучше ненадолго, чем никак. Вечером организуем.

Эти разговоры были в порядке вещей. Но за последнее время в кают-компании, кажется, появились разговоры другого характера. Болотов откинулся на спинку стула и недоброжелательно оглядел сидевших за столом. У них были желтые лица. С какой стати он отказался обсуждать с комиссаром политическое состояние комсостава? Товарищеская спайка? Разве он им товарищ? Просто чепуха. Чепуха, неприемлемая для человека, который хочет стать коммунистом. Довольно. Сейчас же после чая надо пойти к комиссару и доложить о Кривцове, - слишком подозрительно он себя ведет все эти дни.

- Товарища Кривцова по делу! - из двери позвал вахтенный.

Кривцов побелел:

- Кто?

- К командиру.

"Значит, насчет отпуска", - успокоился Кривцов и, вставая из-за стола, взял с собой стакан и белую булку, чтобы по дороге занести в свою каюту.

"Интересно знать, откуда он берет такие булки,- глядя ему вслед, думал Болотов. - Кроме того, интересно, зачем он так часто ездит в Рамбов. Что там в Рамбове делать? Говорит - девушка. Врет. Ему не до девушек - он болен".

Болотов встал, решив немедленно идти к комиссару. Но выйти из кают-компании ему не удалось. Прямо на него из двери вылетел дико размахивающий руками Верблюд. Он мычал, выкатив глаза и перекосив лицо.

- Алексеев! - вскрикнул старший помощник. - Почему вы ушли с вахты?

Верблюд остановился, судорожно хватаясь за подбородок. В глазах его был ужас, и говорить он не мог.

- Спятил! - испугался Лебри.

- Маркевич, заступайте на вахту! - распорядился помощник. - Срочно!

Верблюд, увидев доктора, бросился к нему. Мотая головой, он залопотал на непонятном, действительно верблюжьем языке.

- Пустяки, - ответил ему доктор. - Зевнули дальше, чем надо, и вывихнули челюсть. Ничего особенного. Сейчас наладим.

- Вот что значит зевать на вахте! - торжественно заявил Растопчин.

Хохот никогда не следует непосредственно за восприятием смешного. Всегда бывает очень маленькая пауза, необходимая смеющимся, чтобы набрать воздуха. На этот раз пауза разрешилась совершенно неожиданно, и общий хохот не состоялся. Вместо него Растопчину ответил сильный и близкий взрыв.

Сидевшие повскакали с мест, а двое стоявших сели.

- Кто это? - тихо удивился Лебри.

- Наверх! - крикнул Болотов. - Аэропланы!

- Нет, - ответил Поздеев, и после второго взрыва, от которого вздрогнул весь огромный корабль, на бегу добавил: - Снаряды. Очень большие.

У двери получился затор, и столпившиеся вдруг отхлынули назад, - в кают-компанию входил командир. Его круглое мясистое лицо лоснилось от пота, но казалось совершенно равнодушным.

- Николай Гаврилыч!

- Есть, - ответил старший механик.

- Как пар и турбины?

- Турбины прогреты, но пару мало. Подымем часа в два...

- Есть, - ответил командир.

Он молчал, беззвучно шевеля мокрыми усами. Глаза его казались сонными, но стоявшие под их взглядом невольно выпрямлялись. Он молчал, и перед ним молчаливым полукругом стоял командный состав его корабля.

- Владимир Александрович!

- Есть! - И старший помощник вышел вперед.

- Вызывайте буксиры. Будем сниматься.

- Есть буксиры! - Старший помощник по привычке начал поворачиваться, но не выдержал и остановился. - Константин Федорович?

- Я, - ответил командир.

- Что же это случилось?

Командир молчал, точно прислушиваясь. Где-то наверху появился далекий гул. Нарастая, он отдавался в палубе над головами и во всем теле. Потом оборвался резким громом.

- Господа, - тихо сказал командир и еще тише поправился:- Товарищи! Потом, выпрямившись, заговорил полным голосом: - Форт Красный восстал. Обстреливают город. Нам приказано выйти на внешний рейд и принять бой... Готовьте корабль... - и, не зная, как к ним обратиться, подумав, сказал: Граждане.

Поздеев вдруг просветлел: будет стрельба, драка - много шума, много дела. Он ощутил в себе силу подвластных ему двенадцати двенадцатидюймовых, и это было очень хорошо. Настолько хорошо, что он даже улыбнулся. Бой для него был средством для восстановления душевного равновесия, но Болотов этого не знал, а потому улыбку его понял иначе Стиснув кулаки, он вышел за командиром и в коридоре чуть не натолкнулся на Кривцова.

Кривцов с пустым стаканом в руке шел между двумя вооруженными моряками. Увидев в дверях Поздеева, он остановился, но ничего не сказал и только взглянул собачьими, насмерть испуганными глазами. Один из конвойных дотронулся до его плеча, он вздрогнул и, быстро перебирая ногами, пошел дальше. Поздееву почему-то вспомнилось, как в четвертой роте того же самого Кривцова вели в карцер. А теперь его вели на смерть.

Вот зачем вызвали из кают-компании! К командиру? Вытащили обманом и захватили! Обманом! Теперь у него не осталось даже Кривцова. Больше терять было нечего. Обернувшись, он столкнулся лицом к лицу с Болотовым. Болотов заметил и запомнил его взгляд.

13

- Девочка тебя требует, - глядя в сторону, сказал Богун. - На бону ждет.

Демин бросился к трапу и, перескакивая через две ступени, вылетел на палубу.

Ирина стояла почти у самого борта и сверху казалась совсем маленькой. Увидев Демина, она махнула рукой.

- На берег мне нельзя! - крикнул он.

- Ничего! Ничего! - Голос у нее от напряжения стал тоненьким и звонким. Точно стараясь дотянуться до Демина, она становилась на цыпочки. - Я пришла тебе сказать, что ушла из дому. Когда вернешься, найдешь меня в библиотеке. Там же и сплю.

- Есть такое дело! - И, перегнувшись через поручни, чуть

потише добавил: Ты только не волнуйся, вернусь скоро.

Она улыбнулась и закивала головой:

- Сразу и запишемся.

- Есть, - обрадовался Демин.

- А пока что идите домой, Ирина Андреевна. Здесь ложатся снаряды. - Это был Поздеев. Он стоял такой сухой и черный, каким Демин его еще никогда не видал.

- Здравствуйте, профессор! - Ирина сделала книксен.- Снаряды ложатся везде, бояться все равно не стоит.

- Прощайте, Ирина Андреевна... Демин, идем готовить приборы.

- Есть! - И, махнув рукой Ирине, Демин крикнул: - Скоро вернусь!

- Книжки не замажь супом, как в прошлый раз!

Она стояла улыбаясь и махала рукой, пока он не скрылся из виду. Он шел рядом с Поздеевым, несколько раз оглядывался и видел ее маленькую фигурку в светлом платье, но за дальностью расстояния слез в ее глазах не разглядел.

Когда он снова ее увидит и увидит ли? Пустяки, нельзя пропасть. Если она так держится, так и он со всем сладит. Даже с Кривцовым.

Он еще не знал, что Кривцова уже арестовали.

Поздеев закрыл за собой стальную дверь.

Его заставляют драться за Деминых, чтобы они могли безнаказанно портить девушек, безнаказанно посылать людей на расстрел. Он вдруг увидел перед собой жалкие глаза Кривцова и стиснул зубы.

- Демин, снимайте чехлы.

- Есть!

17

Боевая тревога шла по палубам захлебывающимися голосами горнов, из помещения в помещение дробным звоном колоколов громкого боя, с трапа на трап топотом тысячи тяжелых ног. Потом она легла полной тишиной.

- Наводка по колокольне правее леса, - сказал в телефонах башенных командиров голос старшего артиллериста. Башенные указатели отщелкали цифру 100, и башни плавно покатились, чтобы встать по заданному направлению.

- Комиссара к телефону! - выкрикнул в боевой рубке телефонист.

- Комиссар у телефона.

- Говорит Болотов... Хорошо, что взяли Кривцова...

- Знаю без тебя. Что еще?

- Смотри за Поздеевым. - И трубка щелкнула.

Комиссар чуть не закричал, чуть не разбил трубку. Почему, собака, не сказал раньше? Почему сам не пришел сюда объяснить?

Но крайним усилием воли взял себя в руки и понял: Болотов вышел из офицеров, - такому сказать было не просто. А раз сказал - значит, стал совсем своим.

- Воюем, товарищ артиллерист? - улыбнулся комиссар, спокойно вешая трубку.

Поздеев выгнул брови и не ответил.

Комиссар продолжал улыбаться, - он ничего не понимал в стрельбе, но был уверен в победе.

- На дальномере! - Голос Поздеева звучал совершенно бесстрастно. - Давать через минуту дистанцию до колокольни.

- Семьдесят восемь!-ответил громкоговорящий телефон.

По корме огромным столбом поднялся разрыв. Форт тоже стрелял из двенадцатидюймовых, но стрельба его была беспорядочной, второй снаряд ударил справа далеким перелетом.

- Семьдесят шесть с половиной!

Поздеев наклонился над картой. Когда он выпрямился, в упор на него смотрели удивленные голубые глаза старшего штурмана. Отвернувшись, он увидел Демина. Этот тоже смотрел на него не отрываясь.

- Семьдесят четыре!

- Артиллерист, начинайте, - сказал командир.

Поздеев молча кивнул головой. Если залп ляжет недолетом, то придется по своим частям, наступающим на форт. По карте расстояние больше, но он имеет право верить дальномеру.

- Товарищ Поздеев! - Голос комиссара звучал резко и необычно.

Вот обрадуется комиссар, когда узнает, что разгвоздил свои части. А узнает он это не скоро, потому что по разрывам ровно ничего не разберет... Демин смотрит во все глаза... Ждет установки прицела и целика? Что ж, он их получил. Это будет забавно.

- Семьдесят один с половиной! - сказал телефон. Короткими твердыми шагами Поздеев подошел к приборам.

- Автомат, сближение полтора.

Автомат звякнул и защелкал. Светлым огнем горела медь приборов, и указатели в башнях ждали слова из боевой рубки. По этому слову длинные серые стволы подымутся и будут ждать ревуна. А по ревуну будет залп и смерть... Огромная машина была готова... Огромная, страшная и безошибочная... Безошибочная? У Поздеева перехватило дух.

Ветер, скорость корабля - все учтено, все много раз

проверено. Машина должна работать безукоризненно.

- Прицел девяносто, целик сто двадцать два!

Не по дальномеру, а по-настоящему. И указатели побежали по циферблатам.

Иначе он сделать не мог, - этого требовали правила игры. Он ел паек и был очень хорошим артиллеристом.

Теперь он стоял, не видя ничего, кроме колокольни в поле бинокля, не слыша ничего, кроме щелкания автомата. Не сразу он узнал голос комиссара.

- Ты что? - кричал комиссар. - Отвечай, слышишь! Ты что делаешь?

- Отойдите, - ответил Поздеев и тихо добавил: - Дальномером заведовал Кривцов.

Комиссар снял фуражку и отер пот. Теперь все было в порядке.

- Залп. - И сразу же за тонким голосом ревуна сплошным громом ударила носовая башня.

В поле бинокля, за искристой водой у самого горизонта встали дымки.

- Два меньше. - Так скомандовать мог только очень самоуверенный артиллерист, но Поздеев знал, что накроет со второго залпа. В голове его гудела та самая двенадцатидюймовая сила, и от нее все стало прекрасным. Он оторвался от бинокля и взглянул на Демина.

У Демина светились глаза - вот почему за него пошла Ирина... Что ж, из парня будет толк.

- Залп!